

А, смысл, как мне представляется, заключается в том, что и в первом и во втором случае человек стремится расширить рамки своего брэнного существования и приобрести к некоему Универсуму, расширив тем самым свою идентичность в том числе в сфере права. Однако правовая идентичность — это юридический статус, закрепленный в образцах поведения, и конкретный человек, который своими практическим действиями и психическими переживаниями, неотделимыми от поведенческих актов осуществляет свои правомочия в социально-значимой сфере⁵¹⁵, соизмеряет свое поведение с другими, с теми, кто конструирует правовую реальность и теми, кто вынужден «играть» по этим правилам.

⁵¹⁵ Честнов И. Л. Социальное конструирование правовой идентичности в условиях глобализации // Вестник РГТУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2010. № 14. С. 15–20.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОСТКЛАССИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

6.1. Несколько замечаний в адрес классического стиля правопонимания

Следует начать с того, что для юристов, воспитанных в рамках петербургской школы философии права, концептуальная схема, предполагающая выделение в юридической науке классических и постклассических подходов к изучению права, является столь же привычным и удобным инструментом, способом интерпретации истории и теории правовой мысли, как и выделение в истории периодов Древности, Средневековья, Нового и Новейшего времени. Теоретико-методологическое значение типологии классического и постклассического правопонимания как соответствующих стилей теоретико-правового мышления обозначено Е.В. Тимошиной⁵¹⁶. Данная концептуальная схема представляет теорию права как неотъемлемую часть социогуманитарного знания; демонстрирует невозможность мыслить право в соответствии с методологическими стандартами позапрошлого века; дает возможность предложить в качестве альтернативы «односторонним» классическим типам правопонимания проект интегральной теории права; позволяет обосновать введение в правовую теорию такой новой характеристики права как человекоразмерность⁵¹⁷.

Следует признать, что теории всегда упрощают реальность, они редуцируют ее к какому-то единственному основанию. Как справедливо утверждает М. ван Хук, «они конструируют реальность, исхо-

⁵¹⁶ См.: Тимошина Е. В. Классика, постклассика... неоклассика: к обоснованию контрпостмодернистской программы в теории права // Правоведение. 2014. № 4 (315). С. 6–29.

⁵¹⁷ Там же. С. 7–8.

дя только из одной специфической перспективы: правовая реальность становится «нормативной системой», или «социологическими интеракциями», или «воплощением идеи справедливости», или «поиском защиты субъективного права», или «языком», или «психологическим феноменом» и т.д.⁵¹⁸ И это тот существенный недостаток, который присущ всем классическим правовым теориям, за что их и называют «одномерными», «односторонними», «узкими». На проблему «односторонности» классических правовых школ впервые указали авторы интегративных, синтетических концепций права. Они пытались преодолеть «одномерность» классических теорий, в представлении которых ценности, факты и нормы в праве оказались разделенными. Западные правоведы предприняли попытку синтезировать отдельные представления о праве в рамках целостной картины права⁵¹⁹, русские дореволюционные ученые также предприняли попытку создания синтетических теорий, но опирались на иное методологическое основание, а именно – синтез личностного и коллективного правовых начал⁵²⁰.

Разделенными с точки зрения классических подходов к праву оказываются сферы должного и сущего. Так, для Г. Кельзена право относится к миру должного и основание обязывающей силы правовых норм тоже необходимо искать в мире должного, например, в выводимости нормы из вышестоящей нормы⁵²¹ (в более поздних работах Кельзен ставил под сомнение саму возможность обоснования такой нормы⁵²²). То есть любое правило поведения (относящееся к любой нормативной системе) требует своего обоснования, подтверждающего его соответствие более общему правилу должного; такое обоснование

⁵¹⁸ Хук ван М. Право как коммуникация / Пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. СПб., 2012. С. 17.

⁵¹⁹ См.: Халл Дж. Интегративная юриспруденция // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа, Америка: XVII-XX вв. М., 1999; Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. 2-е изд. М., 1998.

⁵²⁰ Саловьев В. С. Право и нравственность // Власть и право. Л., 1991; Яценко А. С. Теория федерализма: опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912.

⁵²¹ См.: Kelsen H. Reine Rechtslehre. Leipzig; Wien, 1934.

⁵²² Kelsen H. The Function of Constitution // Essays on Kelsen. Oxford, 1986. P. 117; Антонов М. В. Об основных элементах чистого учения Г. Кельзена о праве и государстве // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 182–183.

вание может подниматься по нормативной иерархии до тех пор, пока не достигнет своеобразного нормативного «потолка» или базового нормативного основания. Однако, пытаясь объяснить «выводимость» одной нормы права из другой, Кельзен не смог ответить на вопрос о том, почему необходимо следовать той или иной правовой норме, включая Grundnorm, исходя из жизненного мира человека.

Г. Л. А. Харт также старался избежать смешения нормативности и фактичности в объяснении основания обязывающей силы норм и представил похожую модель нормативного обоснования, в которой роль кельзеновской основной нормы играет правило признания⁵²³. При обосновании обязывающей силы права Г. Харт не углублялся в рассуждения о различии между сущим и должным и принадлежности права к нормативным системам. Нормативность права принимается Хартом за данность. Однако, как справедливо обращает внимание Е. В. Тимошина, природа правил признания Г. Харта и основной нормы Г. Кельзена различна⁵²⁴. Если у Г. Кельзена основная норма – это эмпирически неverified метафизическое понятие или априорная идея, то у Г. Харта правило признания относится к сфере сущего и «его существование демонстрируется тем, как участники правовой системы идентифицируют конкретные правила в качестве действительных, т.е. его существование демонстрируется соответствующей юридической практикой, которую правило признания вообще делает возможной, являясь ее основанием»⁵²⁵. Но является ли фактическое достаточным основанием для идентификации права? Ведь и нацистская правовая система покоилась на таком правиле.

Здесь нельзя не отметить важность замечания Н. В. Варламовой, которая указывает, что разделение сфер бытия и долженствования – лишь эпистемологический прием, используемый в исследовательских целях и предопределяющий специфику интерпретации соответствующих отношений, а невозможность простого логического перехода

⁵²³ Харт Г. Л. А. Понятие права / Пер. с англ.; под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб., 2007. С. 110–111.

⁵²⁴ Тимошина Е. В. Концепция нормативности Л. И. Петражицкого и проблема действительности права в юридическом позитивизме XX в. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5. С. 53.

⁵²⁵ Харт Г. Л. А. Понятие права. С. 110–111.

от нормативных суждений к фактическим не исключает сложной диалектической связи между сущим и должным⁵²⁶.

Объективистская интерпретация бытия права, разграничение сущего и должного, нормативного и фактического, субъекта и объекта познания, правовой теории и социальной практики характерны и для основных редакций юснатурализма. Естественное право представляется как объективное идеальное бытие, которое может быть открыто ученым. Позитивное право будет считаться правильным в такой мере, в какой оно будет соответствовать его рациональной идее. Несправедливые нормы действующего права противопоставляются справедливым нормам умозрачительно постигаемого, совершенного права. Субъект познания в такой картине мира является неким абсолютным наблюдателем, не отягченным своим предыдущим опытом и не оказывающим никакого воздействия на объект познания. Указанное характерно и для естественно-правовых учений Античности, и для теологических учений Средневековья. Например, стоики рассматривали естественный закон «как воплощение всеобщей и универсальной справедливости, которая играет роль нормативно значимого факта и критерия как для политического сообщества людей (государства), так и для принимаемых ими законов»⁵²⁷. Ф. Аквинский писал, что человеческий закон, отклоняющийся от вечного, несправедлив, он не имеет природы закона, а представляет собой голое насилие⁵²⁸.

Стоит отметить, что теории естественного права Нового времени при этом несли в себе мощный преобразовательный потенциал, воодушевили крупнейшие европейские буржуазные революции и привели к установлению демократического конституционно-правового государственного устройства⁵²⁹. Кроме того, сторонники юснатурализма, представляя справедливость в качестве естественно-правового морального требования, обращенного к позитивному правопорядку, отстаивают

⁵²⁶ См.: Варламова Н. В. Нормативность права: проблемы интерпретации // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 4. С. 77.

⁵²⁷ См.: Нерсесянц В. С. Право и закон. Из истории правовых учений. М., 1983. С. 124.

⁵²⁸ См.: Аквинский Ф. Сумма теологии // Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 2. М., 1969. Т. 2. 93. 3.

⁵²⁹ См. подробнее об этом: Михайлов А. М. Философия права: классический юснатурализм и историческая школа юристов: учебник. М., 2018.

междисциплинарный статус науки права⁵³⁰. Идея прав человека – еще одно детище естественно-правовых учений Нового времени.

Понятие «Абсолютизм» естественно-правовых принципов, который является признаком классического теоретико-правового стиля мышления, в дальнейшем уступает место диалогическому, «человеческому» их измерению в процедурно-дискурсивных естественно-правовых концепциях (Л. Фуллер, Р. Алекси, Ю. Хабермас), в которых справедливость выступает не в качестве абстрактной категории, а в качестве конструируемого самими субъектами взаимодействия принципа. И это уже постклассический стиль мышления.

6.2. Основные методологические основания постклассических правовых исследований

Исследованию методологических оснований постклассических правовых исследований посвящен ряд работ представителей петербургской школы философии права⁵³¹. Так, Н. В. Разуваев отмечает, что для постклассических правовых исследований характерен «перенос центра тяжести исследований с объективных характеристик права на его субъективные и intersubjective аспекты, включая социокультурные, психологические и коммуникативные механизмы формирования права и правовой реальности, ранее не получившие надлежащего осмысления. Право, подобно культуре, лежащей в его основе, начинает мыслиться как специфический результат человеческой деятельности, как проявление творческой активности человека»⁵³². В данном параграфе я попытаюсь с опорой на дости-

⁵³⁰ См. об этом: Луковская Д. И. Позитивизм и естественное право: конфликт интерпретаций // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 234.

⁵³¹ См.: Честнов И. Л. Постклассическая теория права. Монография. СПб., 2012; Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб., 2014; Тимошина Е. В. Классика, постклассика... неоклассика: к обоснованию контрпосмодернистской программы в теории права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 4 (315). С. 6–29; Разуваев Н. В. Право: социально-конструктивистский подход // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 5 (322). С. 48–98.

⁵³² Разуваев Н. В. Право: социально-конструктивистский подход // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 5 (322). С. 53.

жения уважаемых коллег показать потенциал основных методологических оснований постклассических правовых исследований, а также указать перспективы, которые они открывают для юридической науки.

6.2.1. Признание связи бытия права, теоретического знания о нем и языка как средства выражения знания (сконструированность правовой реальности)

В рамках постклассического стиля мышления к познающему право субъекту приходит осознание себя в качестве источника правовой реальности. Правовая реальность больше не представляется независимой от человека данностью. Она создается людьми (как наделенными властью, так и населением, эту власть легитимирующим) в процессе конструирования социальных представлений о должном, в процессе коммуникативного взаимодействия. Реальность становится правовой, когда субъекты правовой коммуникации наделяют ее правовым значением. Как отмечает Н. В. Разуваев, «правовая реальность может рассматриваться в синхронном и в диахронном (историческом) измерениях. В первом аспекте она представляет собой результат конструирования, осуществляемого разнообразными средствами, имеющими по преимуществу семиотический характер, во втором – включает в себя эволюционные процессы, приводящие к закономерным трансформациям как самих знаковых систем, так и способов знакового конструирования феноменов реальности»⁵³³. Представляется, что понимание правовой реальности как сконструированной субъектами права открывает потенциал для правового творчества личности. Осознание своей возможности творить право создает деятельного субъекта, который способен преобразовывать правовую действительность на пути к прогрессу.

⁵³³ Разуваев Н. В. Юридическая доктрина как средство конструирования правовой реальности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. № 1. С. 7.

6.2.2. Признание взаимосвязи научного метода, субъекта и объекта познания в структуре теоретико-правового исследования (интерсубъективность права и знания о нем)

Признание взаимосвязи научного метода, субъекта и объекта познания показывает, что результаты научного познания во многом обусловлены деятельностью субъекта, его социокультурными и личностными особенностями. Это значит, что субъект в процессе постановки и решения научных проблем оказывает существенное влияние как на характер, так и на результаты научного познания. Следовательно, субъект исходит не только из объективных предпочтений в познавательном процессе, но и из собственных предпочтений⁵³⁴. Интерсубъективность права указывает на социальное происхождение права, на зарождение его в процессе социальных коммуникаций между субъектами. С помощью понятия интерсубъективности преодолевается представление о праве как о чем-то внешнем по отношению к человеку, а также снимается антиномия объективного / субъективного путем раскрытия способа формирования объективности, которая «конструируется людьми, их социальными представлениями, опосредованными историческим и социокультурным контекстом»⁵³⁵. Само общество в его интерсубъективном значении не представляет собой объективную данность, обладающую собственным внеиндивидуальным бытием, а представляет собой социальный конструкт, сконструированное сообщество, состоящее из отдельных людей, их совместных действий и общих представлений о правильных или неправильных моделях поведения⁵³⁶. Интерсубъективность предполагает «интенциональность – ориентацию на Другого, соотнесение индивидуальной позиции с точкой зрения обобщенного Другого, в том числе, в пове-

⁵³⁴ См. об этом, напр.: *Поппер К. Р.* Эволюционное знание. Эволюционный подход. М., 2002; *Поппер К.* Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М., 2008; *Кун Т.* Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями. М., 1977.

⁵³⁵ *Честнов И. Л.* Интерсубъективность права // Вестник Академии права и управления. 2015. № 2 (39). С. 38.

⁵³⁶ См.: там же.

дени»⁵³⁷. Интерсубъективность лежит в основании всех социальных норм. «Интерсубъективное (и в этом смысле институциональное), т.е. разделяемое субъектами взаимодействия представление о том, что следует делать в том или ином случае или чего не следует делать, и представляет собой социальную норму»⁵³⁸. Интерсубъективность правовой природы является ключевым методологическим основанием коммуникативной теории права А. В. Полякова⁵³⁹, согласно которой право не мыслится вне правовой коммуникации, взаимодействия людей по поводу взаимных прав и обязанностей, а также антропологической диалогической концепции права И. Л. Честнова⁵⁴⁰. Польза данного методологического основания заключается в том, что оно вооружает исследователя критическим мышлением по отношению к представляемым научным сообществом теориям, так как позволяет увидеть те или иные предпочтения и идеологии, стоящие за ними.

6.2.3. Представление о невозможности отдельных теорий претендовать на универсальное истинное знание, а признание их возможности привнести свой научный вклад в познание правовой действительности (релятивность и принципиальная неполнота правового знания)

Как справедливо утверждает И. Л. Честнов, право, как и любой иной социальный феномен, обладает множеством модусов бытия и потому не может быть описано и объяснено одним «единственно верным» способом⁵⁴¹. Это объясняется неисчерпаемостью, постоянной изменчивостью и невозможностью понять всю полноту социального мира по причине сложности самого социального мира, а также

⁵³⁷ Честнов И. Л. Постклассическая диалогическая онтология права // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. Серия: Толкование источников права. СПб., 2016. С. 67.

⁵³⁸ Поляков А. В. Что есть право? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 6. С. 203.

⁵³⁹ См., напр.: Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб., 2014.

⁵⁴⁰ См., напр.: Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012.

⁵⁴¹ См.: Честнов И. Л. Правовая реальность как предмет постклассической философии прав // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 2. С. 30.

ограниченности возможностей человеческого познания⁵⁴². «Наука не может (и вряд ли когда-либо сможет) дать исчерпывающий и окончательный ответ на вопрос как происходит процесс мышления. Поэтому доступ к правовой реальности, понимаемой как действия, неотделимые от представлений (включающих конфликт интерпретаций) о нормах, действиях, последствиях, их оценке и т. д. – всегда неполон и является опосредованным, «непрямым»⁵⁴³. Однако, представляется, что у релятивизма есть пределы. Постклассическая наука предоставляет возможности для объединения универсального и релятивного и создания теорий, нормативно релятивных, но универсальных на метатеоретическом уровне. Пределом релятивизма в праве, на мой взгляд, служат основополагающие принципы права, а именно: признание равного человеческого достоинства личности, свободы воли, правосубъектности⁵⁴⁴. Тем не менее, указанное методологическое основание защищает нас от монополии одного единственно верного представления о праве, способствует развитию методологического плюрализма, уважению к различным попыткам получения правового знания.

6.2.4. Признание исторической и социокультурной обусловленности теоретико-правового знания (контекстуальность правового знания)

Необходимость трансформировать представление о естественном праве как неизменной, незыблемой, вечной, абсолютной идее возникла к концу XIX века, когда казалось, что естественно-правовой школе уже не возродиться после сокрушительной критики ее оснований исторической школой права и юридическим позитивизмом. Именно историческая школа права впервые указала на изменчивость,

⁵⁴² См.: Честнов И. Л. Постклассическая интерпретация ускользающего бытия права (вместо введения) // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. Серия: Толкование источников права. СПб., 2016. С. 16.

⁵⁴³ Честнов И. Л. Релятивизм в праве: угроза или реальность? // Релятивизм в праве: коллективная монография / под ред.: И. И. Осветимской, Е. Н. Тонкова. Серия: Толкование источников права. СПб., 2021. С. 18.

⁵⁴⁴ См. подробнее об этом: Осветимская И. И. Пределы релятивизма в праве // Релятивизм в праве. С. 31–34.

социокультурную и историческую обусловленность и относительность любого права в противовес универсальности и социокультурной общезначимости, которая приписывалась естественному праву классическим юснатурализмом. Г. Пухта писал: «право имеет историю»⁵⁴⁵, «народный дух есть источник человеческого права»⁵⁴⁶. К. фон Савиньи, упрекал и юснатурализм, и юспозитивизм в том, что оба этих направления стремятся к априорному, рациональному «законоделанию» без учета собственной, социальной «материи» права⁵⁴⁷. Он также утверждал, что «право, подобно языку, общественным нравам и государственному устройству, всегда несет на себе печать национального своеобразия»⁵⁴⁸.

Как представляется, в результате такой критики и в силу желания вернуть утраченную роль естественно-правовой школе, совместить ее с научными представлениями XX века и возникает концепция естественного права с изменяющимся содержанием Р. Штаммлера. Именно он предпринял попытку выявить трансцендентальные (априорные) основания права как должного, признавая относительность права как сущего. И таким априорным основанием у Штаммлера явилась формальная справедливость. В итоге, абсолютизм естественного закона, свойственный предыдущим редакциям юснатурализма, у Штаммлера ограничивается лишь формой, не затрагивая содержание. А содержание этого понятия он ставит в зависимость от конкретных обстоятельств времени и места и именно поэтому считает невозможным «вывести общезначимые правила человеческого общежития, подходящие для всех стран и времен»⁵⁴⁹. Таким образом, уже у Р. Штаммлера мы можем найти социальную контекстуальность права. Кроме того, он утверждает и историческую обусловленность права, а именно, указывает на то, что «если устранить все исторические особенности, то от природы человека останутся лишь физиологиче-

⁵⁴⁵ Пухта Г. Энциклопедия права. Ярославль, 1872. С. 42.

⁵⁴⁶ Там же. С. 22.

⁵⁴⁷ Savigny F. K. von. Vorrede // Zeitschrift für Geschichtliche Rechtswissenschaft. Bd. 1, Berlin, 1815. S. 2–3.

⁵⁴⁸ Savigny F. K. von. Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814. S. 8.

⁵⁴⁹ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. СПб., 1907. Т. 1. С. 188.

ские задатки и способности, из которых не может быть выведено и само понятие права; разум же, к которому чаще всего апеллируют юснатуралисты, является не достоянием природы, а продуктом воспитания и образования»⁵⁵⁰.

В дальнейшем признание исторической и социокультурной обусловленности и права, и знания о нем становится характерной чертой постклассического стиля правового мышления, в рамках которого не отрицается классический образ права, но предлагается новый способ его интерпретации, при котором учитываются особенности исторической и социокультурной реальности. Правовая наука рассматривается как «исторически развивающееся социокультурное явление, динамика которого определяется как внутринаучными факторами, так и фундаментальными ценностями культуры соответствующей исторической эпохи»⁵⁵¹. Социокультурные и исторические доминанты теоретико-правового знания получают осмысление в постклассических правовых исследованиях. Данное методологическое основание позволяет исследовать любое конкретное правовое явление во взаимосвязи с другими социальными явлениями: социально-экономическими, политическими, историческими, духовными.

6.2.5. Признание «человеческого измерения» правовых явлений, признание человека центром социальных систем, а следовательно, и центром правовой системы (человекоразмерность права)

Существенным недостатком классических правовых теорий, который преодолевается в постклассических, выступает отсутствие человекоразмерности. Классические правовые теории никогда не ставят человека в центр права. В юридическом позитивизме человек как личность не является целью права. Воля суверена у И. Бентама и Дж. Остина направлена на человека как на объект команд. Правопорядок выступает самоцелью у Г. Кельзена. И даже у Г. Харта, признающего минимум справедливости в праве, вопиющая несправедливость

⁵⁵⁰ Там же. С. 191.

⁵⁵¹ Тимошина Е. В. Классика, постклассика... неоклассика: к обоснованию контрпостмодернистской программы в теории права. С. 15.

и неравенство не влекут потерю правом его юридической силы. Для юснатурализма в его первых трех редакциях источник естественного права – рациональное устройство природы, Божественная воля, рациональное устройство человека. Как справедливо отмечает А. В. Поляков, «право и в том, и в другом случае (имеется в виду классический юснатурализм и юспозитивизм – прим. И. Осветимской) предстает как феномен, не имеющий внутреннего, антропологического источника саморазвития, движения и выступает “мертвым”, абстрактным, “внешним” для субъекта правом, некоей априорной данностью, или знаковым комплексом, оторванным от человека и его жизненного мира»⁵⁵². И в основании классического юснатурализма, и в основании классического позитивизма находится «бессубъектная» схема понимания права, согласно которой право является независимой от субъекта объективной данностью⁵⁵³. И только постклассические юснатуралистические теории становятся антропологическими, наделяя человека правами в силу присущего ему человеческого достоинства.

Антропологический поворот ознаменовал собой переход к иной картине права и государства. «Именно человек создает правовую реальность, он же ее и воспроизводит своими действиями и ментальной (психической) активностью»⁵⁵⁴. Человекоцентризм выступает одним из существенных отличий постклассической философии права, которая положила начало антропологическому измерению права. «В этой связи принципиально значимо не просто признание человека центром правовой системы, но и демонстрация того, как именно он формирует и своими действиями реализует ее, насколько он свободен и ограничен в этом» – отмечает И. Л. Честнов⁵⁵⁵.

Представление о государстве как аппарате, машине для управления делами классового общества и по преимуществу в интересах экономически господствующего класса⁵⁵⁶, а о праве как инструмен-

⁵⁵² Поляков А. В. Прошание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 13.

⁵⁵³ См.: там же.

⁵⁵⁴ Честнов И. Л. Постклассическая теория права. С. 167.

⁵⁵⁵ Честнов И. Л. Постклассическое правопонимание // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 161–162.

⁵⁵⁶ Сырых В. М. Теория государства и права: Учебник / 6-е изд., перераб. и доп. // ЛитРес. URL: <https://www.litres.ru/vladimir-syryh/teoriya-gosudarstva-i-prava-uchebnik-dlya-vuzov/chitat-onlayn/page-2/> (дата обращения: 17.01.2023).

те, используемом государством для этих целей, способствует формированию несвободной личности, ощущающей себя бесправным элементом, неспособным к правовому творчеству. Иную личность формирует понимание государства как единого с обществом социокультурного феномена, призванного обеспечить наилучшие условия для реализации свободы личности, понимание государства как «коммуникативного единства государственного аппарата и населения»⁵⁵⁷. Для антропологического измерения права характерен диалогический анализ отношений Я – Другой⁵⁵⁸, выявление взаимообусловленности человека и социальных институтов⁵⁵⁹. Человекомерность, согласно В. И. Павлову, это способ увидеть «существование человека-в-праве»⁵⁶⁰.

Рассмотрение права как человекомерного феномена открывает потенциал для развития человекоориентированной юридической науки и практики. Человек в качестве субъекта права выступает как «самоорганизующийся центр правовой активности»⁵⁶¹, «коммуникативный деятель»⁵⁶². Коммуникативная теория права выдвигает на первый план непреложную ценность человеческой личности, обладающей суверенитетом в реализации своих прав и обязанностей.

⁵⁵⁷ Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права. Учебник. СПб., 2005. С. 214. См. подробнее об этом: Осветимская И. И. Коммуникация как конститутивный признак государства (в контексте глобализации) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 6. С. 118–127.

⁵⁵⁸ Честнов И. Л. Постклассическая теория права. С. 173.

⁵⁵⁹ Там же. С. 174.

⁵⁶⁰ Павлов В. И. К вопросу об антропологическом типе правопонимания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 81.

⁵⁶¹ Поляков А. В. Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека // Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб., 2014. С. 43.

⁵⁶² Там же. С. 46.

6.2.6. Применение наряду с формально-догматическим разнообразных методов для интерпретации правовой реальности: лингвистических, социологических, психологических, феноменологических, герменевтических, семиотических, синергетических, дискурс-анализа и др. (междисциплинарность правового исследования)

Право и государство не оторваны от иных социальных явлений, поэтому не могут изучаться «в вакууме», как самодостаточные, замкнутые системы. И право, и государство по своей сути являются социальными феноменами. Право при этом выступает способом существования человека в обществе и в государстве. Кроме того, феномены права и государства не являются исключительной монополией для изучения юристами. Являясь по своей сущности социальными, культурно-историческими феноменами, они подлежат изучению с точки зрения различных модусов их проявления. По данной причине создание полноценного знания о праве и государстве предполагает такую организацию научных исследований, при которой происходит взаимодействие и взаимообогащение знаний, получаемых в различных научных областях. Отказ от междисциплинарности и «боязнь» синкретизма, характерные для классического позитивизма, приводят к игнорированию многих факторов, оказывающих влияние на право, и в итоге – к «обеднению» самого понятия права. Вместо изучения такого явления, как право, использование сугубо юридического (формально-догматического) метода в итоге подменяет право авторитетными суждениями и определениями, в основании которых лежит признание политического авторитета⁵⁶³.

В постклассических правовых исследованиях широко используются методы и результаты исследований когнитивных наук, феноменологии, герменевтики, философии языка, коммуникологии, культурологии, синергетики, антропологии и др. Использование различных методов при исследовании права увеличивает эффективность и результативность познания правовой реальности: помогает раскрыть паттерны или архетипы правового общения, определить глубокие цивилизационные различия юридических практик, выявить основания

⁵⁶³ См. подробнее об этом: *Веденев Ю. А.* Юридическая наука в системе междисциплинарных связей // *Lex Russica*. 2017. № 6 (127). С. 11.

легитимации правовых текстов, определить метаюридические (ментальные, когнитивные, языковые) основания правового поведения, учесть аксиологические, социокультурные, историко-антропологические факторы и условия развития и функционирования правовых систем⁵⁶⁴. Все это вместе взятое выводит юридическую науку на новый уровень, соответствующий ускорению и укреплению взаимозависимостей между различными сферами бытия.

6.2.7. Признание взаимосвязи должного и сущего, нормативного и фактического (диалогичность нормативного и фактического измерений в праве)

Право перестало быть неким автономным от общества образованием уже в учениях социологической школы права. Так, Г. Гурвич считал, что «право представляет собой попытку осуществить в данных социальных условиях идею справедливости (т. е. предварительного и по своей сущности многообразного примирения противоречивых духовных ценностей, воплощенных в данной социальной структуре) путем многостороннего императивно-атрибутивного регулирования, основанного на неразрывной связи между правоприязаниями и обязанностями; это регулирование обретает действенность через нормативные факты, которые придают регулированию социальную гарантию эффективности, и может в некоторых случаях обеспечивать выполнение своих требований посредством заранее установленного внешнего принуждения, что не предполагается как обязательное»⁵⁶⁵. Такое видение права, по праву, можно считать постклассическим интегральным подходом. Учение о «живом» праве О. Эрлиха открыло возможность сделать вывод о существовании социальных структур и различных уровней права в рамках одного общества⁵⁶⁶. Учение социологической школы права в совокупности с открытиями Л. И. Петражицкого, поместившего источник права в психику человека, открыв его психическую природу, а также предложив концепцию правового

⁵⁶⁴ См.: Там же. С. 13–14.

⁵⁶⁵ *Гурвич Г. Д.* Философия и социология права / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб., 2004. С. 608.

⁵⁶⁶ См.: *Эрлих О.* Основоположение социологии права / Пер. с нем. М. В. Антонова; Под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. СПб., 2011.

плюрализма⁵⁶⁷, указали на возможность обмена между различными видами интуитивного права и на возможность выработки и признания единых общих правил, направленных на сближение правовых систем, присущих различным группам.

Нормативное и фактическое соединяется в современных дискурсивных естественно-правовых теориях. Так, Р. Алекси, рассуждая в духе постклассической методологии, выделяет три понятия действительности права: социологическое, этическое и юридическое⁵⁶⁸. Р. Алекси указывает, что норму можно считать социально действительной, если ее соблюдают либо если ее несоблюдение влечет за собой применение санкций. Этическое понятие действительности означает моральную оправданность нормы. О юридическом понятии действительности Р. Алекси говорит, что оно с неизбежностью включает в себя представление о действенности (если норма не действительна, она не может быть и действительной). Однако, действительность нормы не определяется только лишь надлежащим установлением. Используя только данный критерий, мы говорим о позитивистском представлении. Непозитивистская позиция совмещения должного и сущего предполагает включение в понятие юридической действительности также и этического элемента, то есть морального обоснования. Предельным основанием действительности права в итоге у Р. Алекси выступает «притязание на правильность»⁵⁶⁹.

Ю. Хабермас, пытаясь понять напряжение и одновременно тесную связь, существующие между нормативностью и фактичностью, выстраивает прочный мост между ними. Это очень хорошо видно на примере рассуждений Ю. Хабермаса о правах человека⁵⁷⁰. Он назы-

⁵⁶⁷ См.: *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности в 2 ч. Часть I. М., 2019.

⁵⁶⁸ *Алекси Р.* Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Пер. с нем. А. Н. Лаптева, Ф. Кальшойера. Москва – Берлин, 2011. С. 105.

⁵⁶⁹ *Алекси Р.* Дуальная природа права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 2. С. 59. (С. 138–152.)

⁵⁷⁰ *Habermas J.* The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human rights // *Metaphilosophy*. 2010. Vol. 41. № 4. P. 470; *Хабермас Ю.* Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии. № 2. 2012. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=474 (дата обращения: 17.01.2023).

вает человеческое достоинство «моральным истоком», который по содержанию питает все базисные права. От самого начала в права человека имплицитно записана «нормативная субстанция равнодоинства людей». Идея человеческого достоинства – это и есть тот понятийный мост, который соединяет «мораль равного уважения к каждому с позитивным правом и демократическими правовыми декларациями»⁵⁷¹. Итогом такого соединения становится политический порядок и правовая система, базирующиеся на правах человека. Надо отметить, что и Р. Алекси в этом следует за Ю. Хабермасом и настаивает на том, что права человека как моральные права (моральные требования) «принадлежат исключительно идеальному измерению права»⁵⁷². Однако «их преобразование в конституционные права, т. е. в позитивные права, представляет собой попытку соединить идеальное измерение с реальным»⁵⁷³. Как отмечает Д. И. Луковская, «институциональные процедуры создания права Р. Алекси соединяет с дискурсивными. При этом он ориентируется на критерии рациональности дискурса и соответствия правовой системы претензии на правильность как моральную обоснованность основных прав человека»⁵⁷⁴. Права человека «объемлют ту часть просвещенной морали, которая переведена на язык принуждающего права и может стать политической действительностью через грубо выраженное содержание базисных прав»⁵⁷⁵.

Таким образом, права человека связывают воедино рожденные из естественно-правового симбиоза факта и нормы внутреннюю мораль, укорененную в субъективной совести, и позитивное право. И эта связь у Ю. Хабермаса осуществилась посредством понятия человеческого достоинства. У А. В. Полякова нормативность и фактичность пересекаются в феномене правовой коммуникации⁵⁷⁶.

⁵⁷¹ Там же.

⁵⁷² *Алекси Р.* Дуальная природа права. С. 150.

⁵⁷³ Там же.

⁵⁷⁴ *Луковская Д. И.* Действительность права в современном теоретическом дискурсе // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. № 2. С. 22.

⁵⁷⁵ *Хабермас Ю.* Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека.

⁵⁷⁶ См.: *Поляков А. В.* Нормативность правовой коммуникации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5. С. 27–45.

6.2.8. Признание необходимости взаимовлияния теоретического и прикладного (социально-практическая ориентированность юридической науки)

Рассуждая о взаимовлиянии теоретического и прикладного, важно помнить о том, к чему приводит оторванность науки и практики друг от друга. На это указывает Н. В. Разуваев: «наука, игнорируя запросы практической деятельности, рискует выродиться в схоластику, занятую беспредметными рассуждениями об отвлеченных и не поддающихся верификации сущностях (таких, в частности, как «правовая духовность», «этнонациональный менталитет» и т. п.). Одновременно практика, не руководствующаяся научными выводами и методологией, зачастую оказывается бессильной ответить на вопросы, которые ставятся перед ней самой жизненной необходимостью»⁵⁷⁷. Ю. Е. Пермяков также выявляет лакуны в теоретическом осмыслении, которые приводят к негативным последствиям на практике. Так, он с сожалением констатирует, что «область правоприменения сегодня обделена вниманием теории. Судебные решения не публикуются и практически не обсуждаются, они не становятся объектом общественного внимания. Архивы судов и общественных приемных в своей темной бездне скрывают невыявленные стратегии борьбы с правом и мало осознаваемые социологией гражданское сопротивление и презрение к политической идеологии и институтам государственной власти как нормы современного российского правосознания. Подготовка юристов в высших учебных заведениях не может похвастать тем, что выпускники овладевают методологией правовых суждений»⁵⁷⁸. В этой связи одной из немаловажных задач постклассических правовых исследований является признание необходимости теории и философии права разрабатывать аксиоматические основания современной юридической науки, транслировать полученные знания отраслевым юридическим дисциплинам, чтобы практикующие юристы были вооружены не только формально-догматическими методами толкования

⁵⁷⁷ Разуваев Н. В. Юридическая доктрина как средство конструирования правовой реальности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. № 1. С. 6.

⁵⁷⁸ Пермяков Ю. Е. Философские основания юриспруденции: учеб. пособие / 2-е изд., доп. Самара, 2018. С. 267–268.

закона, но и могли самостоятельно рефлексировать по поводу соответствия тех или иных норм закона представлениям о должном, имеющимся в реальности (выражаясь терминологией социологической юриспруденции или правового реализма, могли рассуждать о соответствии «книжного» права «живому» праву).

6.3. Коммуникативная программа постклассических правовых исследований

Коммуникативная теория права успешно соединяет коммуникативные идеи Ю. Хабермаса и феноменолого-коммуникативное наследие русской дореволюционной правовой мысли (Л. И. Петражицкий, П. И. Новгородцев, Н. Н. Алексеев, И. А. Ильин).

С точки зрения коммуникативного подхода, целью права является «организация человеческого взаимодействия»⁵⁷⁹. В процессе межсубъектной коммуникации происходит определение Я через Другого. И вне соотносительности себя с Другим коммуникация состояться не может⁵⁸⁰. Требование поместить себя на позицию Другого, чтобы коммуникация была эффективной, лежит в основе любого коммуникативного действия. По мнению Ю. Хабермаса, такое требование имплицитно содержится в том, что нормативные притязания на значимость отражают взаимозависимость между языком и социальным миром, подталкивающую участников дискурса к диалогу, направленному на взаимодействие⁵⁸¹.

«Коммуникация означает быть свободным, но вместе с тем признавать Другого как равного себе, опираясь на связывающие нас институты»⁵⁸². Именно по этой причине государство как внешняя форма

⁵⁷⁹ Хук ван М. Право как коммуникация / Пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. СПб., 2012. С. 33.

⁵⁸⁰ Нет необходимости в организации деятельности гипотетического Робинзона Крузо на необитаемом острове при помощи права, потому что там нет других людей. А право всегда предполагает соотносительность своих действий с действиями других людей.

⁵⁸¹ Мелкевич Б. Заметки по истории правовых понятий / Пер. с фр. Е. Г. Самохиной; отв. ред. М. В. Антонов. СПб., 2018. С. 243.

⁵⁸² Provencher G. Droit et communication: Liaisons constatées. Réflexions sur la relation entre la communication et le droit. Bruxelles, 2013. P. 96; Антонов М. В. Право

должно отвечать своему внутреннему содержанию и цели – потребностям отдельных личностей и общества в целом. Чтобы цель государства как выражения общности сочеталась с его ролью осуществления баланса интересов, оно должно брать на себя миссию достижения компромисса между разнонаправленными силами и интересами общества, иными словами, каждый раз находить форму разрешения заключенных в самом себе противоречий. При этом нельзя забывать, что государство второстепенно по отношению к человеческой личности. Не человек создан для государства, а государство – для человека, для организации его бытия во взаимодействии с другими людьми. И первоочередная задача и права, и государства заключается в том, чтобы организовывать это взаимодействие наилучшим образом. А это в свою очередь возможно только в том случае, если коммуникация между государственной властью и обществом будет выстраиваться по модели двусторонней симметричной коммуникации – такого субъект-субъектного взаимодействия, когда общество выступает не объектом воздействия, а полноценным партнером, принимая активное участие в установлении правил поведения⁵⁸³.

Двусторонняя симметричная коммуникация возможна только на основании осуществления принципа правового признания – признания равного достоинства личностей и их равной правосубъектности⁵⁸⁴. Представляется, что если тенденции развития коммуникации между государством и обществом будут направлены в сторону по-

и коммуникация. Рецензия на книгу: Provencher G. droit et communication: liaisons constatees. Reflexions sur la relation entre la communication et le droit. Bruxelles: E. M. E., 2013. 204 p. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 4 (315). С. 273.

⁵⁸³ См. подробнее об этом: *Осветимская И. И.* Деформации коммуникации между государственной властью и обществом в России // *Ideology and Politics Journal*. 2021. № 2 (18). С. 292–312.

⁵⁸⁴ О принципе взаимного правового признания см.: *Поляков А. В.* Эффективность правового регулирования: коммуникативный подход // *Эффективность правового регулирования* / под ред. А. В. Полякова, В. В. Денисенко, М. А. Беляева. М., 2017. С. 11–25; *Поляков А. В.* Коммуникативный смысл действительности права, его признания и идеи справедливости // *Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов международной научной конференции* / под ред. М. А. Беляева, В. В. Денисенко. Воронеж, 2020. С. 9–19.

строения двусторонней симметричной коммуникации, то такое развитие государства будет стремиться к прогрессу.

Преимущество коммуникативного подхода к исследованию права заключается в том, что он позволяет взглянуть на право как на необходимое средство и условие человеческого взаимодействия, а не как на порядок, представляющий собою самоцель и навязываемый человеку извне. С точки зрения А. В. Полякова, право обнаруживается и творится человеком для человека. Оно создает рамки для реализации человеческой свободы. В онтологическом смысле право представляет собой такую систему отношений, субъекты которой на основе интерпретации различных социально легитимированных правовых текстов нормативно взаимодействуют между собой путем реализации принадлежащих им прав и обязанностей⁵⁸⁵. Таким образом, в структуру права входят следующие взаимообусловленные и взаимосвязанные элементы: 1) субъекты права; 2) социально-признанные и общеобязательные правила должного поведения (нормы); 3) коррелятивные права и обязанности⁵⁸⁶. Ни один из этих элементов в отдельности не представляет собою право. Оно усматривается только в их совместном «звучании».

Особенностью методологической базы коммуникативного подхода к праву выступает помещение в центр права человека как субъекта правовой коммуникации. Данное обстоятельство позволяет рассмотреть право, во-первых, не как нечто, существующее вне человека, а как систему, в создании которой всегда принимает участие человек.

А. В. Поляков подчеркивает, что основой любого правового общения и коммуникации, выступает суверенитет личности. Под суверенитетом личности понимается «независимость субъекта права от любого неправового вмешательства в сферу его правомочий», «способность самостоятельно свои права и обязанности реализовывать»⁵⁸⁷. Для конституирования в качестве субъекта права необходима орга-

⁵⁸⁵ *Поляков А. В.* Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб., 2004. С. 294–295.

⁵⁸⁶ Там же.

⁵⁸⁷ *Поляков А. В.* Эффективность правового регулирования: коммуникативный подход // *Эффективность правового регулирования: монография* / под общ. ред. А. В. Полякова, В. В. Денисенко, М. А. Беляева. М., 2017. С. 14.

низация на двух онтологических уровнях: 1) на уровне самоорганизации и 2) на уровне организации отношений с другими субъектами⁵⁸⁸. Это очень созвучно позиции А. Хоннета, который приходит к выводу о том, что «субъект и индивидуальность формируются через практическое отношение к себе, самопонимание, которое, в свою очередь, развивается в отношениях признания»⁵⁸⁹. Парадигма признания предлагает закрепление в общественных институтах и практиках взаимного признания достоинства личности, посредством чего будет обеспечиваться социальная, нравственная и правовая независимость (автономия) индивидов.

И если для нормального функционирования общества необходимо признание достоинства личности, то для нормального функционирования права в обществе необходимо признание суверенитета личности. Именно в признании суверенитета личности лежит основание действительности права. К этому выводу можно прийти разными путями, в том числе и через применение к праву феноменологической редукции. Последовательно отбрасывая все то, что свойственно не только праву, а и иным феноменам (нормы – характерны не только для права, но и для морали; воля – не всякая воля имеет отношение к праву; принуждение – может быть не только правовым, но и неправовым и т. д.)⁵⁹⁰, мы приходим к коррелятивным (взаимопризнанным) правам и обязанностям, которые составляют «эйдос»⁵⁹¹ права, его исключительно правовой смысл. Когда же мы говорим об обязывающей силе права, то основанием действительности права будет нечто, что побуждает субъектов действовать самим и не препятствовать действовать другим в целях реализации своих прав и обязанностей. И этим «нечто» является имплицитно существующий и эксплицитно выражаемый в правовом поведении и его теоретическом осмыслении принцип взаимного признания суверенитета личности (правосубъектности).

⁵⁸⁸ Там же.

⁵⁸⁹ См.: *Honneth A. The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts.* Cambridge, UK, 1995.

⁵⁹⁰ *Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций.* СПб., 2004. С. 281.

⁵⁹¹ Там же. С. 282.

Таким образом, на уровне самоорганизации нам необходимо признание нашей идентичности (обретение личностного «я»). А на уровне организации отношений с другими субъектами – признание суверенитета личности, то есть автономии в осуществлении своих прав и обязанностей. Я выстраиваю свое поведение таким образом, чтобы оно не нарушало суверенитет Другого. При этом, я желаю, чтобы Другой поступал так же (и ожидаю этого).

При этом принцип признания суверенитета личности имеет как нормативное, так и фактическое измерение. Если я признаю, что Другой имеет автономию реализовывать свои правомочия, то я не только признаю за личностью эту автономию, но я и выражаю позитивное отношение к ней как обладающей этой автономией. Такое признание подразумевает, что я имею обязательство относиться к данной личности определенным образом, то есть я признаю определенный нормативный статус человека как свободного и равного. В этом, по Полякову, заключается нормативное измерение и первый (базовый) уровень легитимации права как права, неотъемлемого от природы человека⁵⁹². Становление идентичности человека во многом зависит от обратной связи, даваемой другими субъектами и обществом в целом. Если человеку не удастся получить адекватное признание, ему очень сложно воспринимать себя и свои действия как ценные. Таким образом, не-признание препятствует как отношению к самому себе (на уровне самоорганизации), так и взаимодействию с другими (на уровне организации отношений с другими субъектами). Право невозможно в отсутствие признания человека не вещью, не средством, не объектом, а уникальным духовным существом, самоценность которого презюмируется. Признание, таким образом, представляет собой «жизненную потребность человека»⁵⁹³, укорененную в его психическом сознании. В этом состоит фактическое измерение. Признание присутствует в праве как сущее и как должное одновременно. Позитивируясь в офи-

⁵⁹² О понятиях имплицитной и эксплицитной легитимации см.: *Поляков А. В. Легитимность как свойство права // Легитимность права: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Серия: Толкование источников права.* СПб., 2019. С. 60–66.

⁵⁹³ *Taylor C. The Politics of Recognition // Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition / Ed. by A. Gutmann. Princeton, 1992. P. 26.*

циальном праве и легитимируясь в правоотношениях, данный принцип находит свою реализацию⁵⁹⁴.

Если правовые тексты (включая законодательство) работают таким образом, что побуждают (убеждают/стимулируют) людей соотнобразовывать свое поведение согласно принципу взаимного признания суверенитета личности, то такие тексты получают обязывающую силу фактически и оправдываются теоретически, то есть они являются действительными и «порождают» право.

Таким образом, коммуникативная программа постклассических правовых исследований имеет ярко выраженный антропологический характер. Вместо мотивирующей силы потенциальных санкций, коммуникативная теория выдвигает на первый план непреложную ценность человеческой личности, обладающей суверенитетом в реализации своих прав и обязанностей, притязание на значимость которой имеет непреложный характер, укорененный в морали с одной стороны, и получающий рациональную мотивирующую силу гарантий в процессе позитивации и легитимации – с другой стороны.

⁵⁹⁴ Мы оставляем в стороне такие вытекающие из данного принципа философские идеи (требующие специального освещения) как правовая свобода, правовое равенство, правовое достоинство, правовая ответственность, правовая солидарность, правовая справедливость. См. об этом, напр.: Поляков А. В. Чистое учение о праве Ганса Кельзена, идея естественного права и справедливость: взгляд коммуникативиста // Мир человека: нормативное измерение. Нормы мышления, восприятия, поведение: сходство, различие, взаимосвязь: сборник трудов международной научной конференции (Саратов, 27–29 июня 2019 г.). Саратов, 2019. С. 205–224.

ГЛАВА 7. ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА

7.1. Условность темпоральных классификаций

Современная юридическая литература не предоставляет единообразия в разделении периодов отечественной науки на классический, постклассический, постнеклассический, постпостклассический и т. д. Многие исследователи принципиально отрицают возможность нахождения разделительных признаков между этими феноменами, — не считая необходимым проведение четкой границы между прошлым и настоящим, между «временем войны» и «временем мира». Концепции множественной темпоральности демонстрируют развитие паттернов, основанных на постулатах классического марксизма-ленинизма и его неомарксистских вариантах, адаптированных для постсоветского периода. Неопределенность границ между прошлым и настоящим артикулируется как *презентизм* — феномен, обозначающий «некоторое кризисное состояние, наступившее относительно недавно (Франсуа Артог даже датирует его наступление 1989 годом), сменив более благополучное время, когда историки гораздо отчетливее видели разницу между прошлым и настоящим»⁵⁹⁵.

Следует отметить, что типы правопонимания авторов теоретических концептов в значительной степени определяют их методологический выбор, оценку качества правовых явлений и эпистемологические характеристики научных дискурсов. Современная теоретическая наука о государстве и праве основана в значительной степени на гносеологических принципах и нормах, сформированных за десятиле-

⁵⁹⁵ Олейников А. Время истории // Логос — философско-литературный журнал. Т. 31. № 4. 2021. С. 13–14; См. также: Hartog F. Regimes of Historicity. Presentism and the Experience of Time. N.Y., 2015.